

Русские школы в контексте образовательной реформы 1937 г. в Маньчжу-Ди-Го

Светлана Борисовна Белоглазова,

кандидат исторических наук Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: Beloglazov1@yandex.ru

На основании законодательных актов в сфере образования в статье проанализированы основные направления школьной реформы 1937 г. в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии). Акцентировано внимание на политике японских оккупационных властей по отношению к русским школам региона накануне Второй мировой войны. Проведён их сравнительный анализ с образовательными системами на сопредельных с Маньчжурией территориях.

Создание Маньчжу-Ди-Го являлось частью японского имперского проекта, и японские власти были заинтересованы в использовании русской диаспоры при решении внутренних и внешнеполитических задач Японии. Реформа русской школы преследовала цель воспитания верноподданнического духа в российских эмигрантах, а также задачу адаптировать их к реалиям жизни в Маньчжу-Ди-Го, чтобы в будущем использовать интеллектуальный и физический потенциал молодого поколения русской диаспоры в интересах японской администрации. В силу своего исторического развития и образовательной подготовки российские эмигранты являлись в Маньчжу-Ди-Го одними из наиболее подготовленных к работе на индустриальном производстве людей, поэтому их рассматривали как кадровый ресурс для индустриализации империи в форсированном темпе. Огосударствление системы русского образования в Маньчжу-Ди-Го, её идеологизация и тотальная японизация, призванные ускорить процесс формирования новой самоидентификации российских эмигрантов в создаваемой Японией империи, приобрели особую актуальность с началом развёртывания японцев широкомасштабных военных действий против республиканского Китая.

Ключевые слова: Китай, Маньчжурия, Маньчжу-Ди-Го, образовательная политика, русская школа, законодательство в сфере образования, школьная реформа.

Russian schools in context of educational reform of 1937 in Manchukuo.

Svetlana Beloglazova, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: Beloglazov1@yandex.ru

Based on regulatory acts in the field of education, the paper analyzes the basic aspects of schooling reform of 1937 in Northeast China (Manchuria). Special consideration is given to the policy of Japanese occupational government

towards Russian schools before World War II. The latter are compared with educational systems in the territories adjacent to Manchuria.

Creation of Manchukuo was a part of Japan's imperial project and Japanese government was interested in using Russian diaspora for settling Japan's internal and foreign-policy problems. Russian school's reform was aimed at instilling loyalty to Japan in Russian emigrants and at adapting them to day-to-day reality of Manchukuo so as to use the Russian diaspora youth's intellectual and physical potential to the benefit of Japanese administration. Due to specific character of its historic development and education, Russian emigrants were a group fittest for work at industrial enterprises, so they were seen as a human resource for the empire's accelerated industrialization. Governmentalization of the Russian educational system in Manchukuo, its ideologization and Japanization intended to accelerate the formation of the Russian emigrants' new self-identification in the empire created by Japan gained in popularity from the beginning of extensive warfare against the republican China.

Keywords: China, Manchuria, Manchukuo, educational policy, Russian schooling, educational legislation, schooling reform.

Школьная реформа 1937 г. в Маньчжурии представляет собой одну из дискуссионных и неполно изученных в отечественной историографии проблем. Ряд исследователей при оценке результатов реформы приходят к заключению о её деструктивности для системы функционировавших там русских школ [1; 6; 8; 10]. Однако существует точка зрения, сторонники которой утверждают, что данная реформа не разрушила, а всего лишь видоизменила форму русского образования в соответствии со стандартами Японии и новой империи [4; 7].

В статье анализируются законодательные акты, на основе которых данная реформа была запущена в Маньчжурии; одновременно предпринимается попытка провести сравнительный анализ с целью выявления сходных черт новой образовательной системы марионеточного государства Маньчжоу-Ди-Го с образовательными системами на сопредельных с ним территориях.

Основными военно-политическими вехами закрепления Японии в Маньчжурии стали оккупация в сентябре 1931 г., создание государства Маньчжоу-го 1 марта 1932 г. и последующее провозглашение его империей под названием Маньчжоу-Ди-Го 1 марта 1934 г.

Существовавшая в регионе до оккупации школьная система рассматривалась японской администрацией как наследие эпохи старой власти Северо-Востока, основанной на школьной системе Срединного национального государства, которое мешало реализации японской геополитики. Поэтому воспитание в духе гоминьдановской партии и трёх народных принципов Сунь Ятсена ещё в самом начале образования Маньчжоу-го было запрещено [5, с. 322]. В последующие годы политика оккупационных властей в сфере образования была направлена на

расширение масштабов государственного контроля над образовательной системой региона и на унификацию самой системы.

Учебная администрация всех уровней регулировала и контролировала процесс открытия школ частными лицами и общественными организациями, финансовые потоки в школьном строительстве и приёмы обучения (учебно-воспитательный процесс). Тем не менее накануне реформы 1937 г. в Маньчжурии всё ещё сохранялось 10 тыс. частных и общественных учебных заведений, которые посещали 100 тыс. учащихся [5, с. 331]. По составу преподавателей, содержанию учебных программ, системе преподавания и управления эти школы (в том числе и русские эмигрантские) не соответствовали официальному курсу государства. И хотя японцы сумели установить над ними контроль через культурно-просветительный отдел Бюро российских эмигрантов (БРЭМ), которым руководил лидер русской фашистской партии К.В. Родзаевский, русские школы продолжали сохранять свою национально-культурную специфику.

В процессе реализации новой школьной реформы предполагалось завершить огосударствление системы образования в Маньчжурии, что неизбежно детерминировало превращение учебных заведений в инструмент формирования личности с заданными государством параметрами, приспособленными для нужд японских оккупационных властей.

В данном контексте главным элементом педагогического курса в Маньчжу-Ди-Го стало морально-духовное воспитание, посредством которого в общественное сознание внедрялась идея о нерушимой связи Японии и Маньчжу-Ди-Го, связанных друг с другом «...одной моралью и одной душой». Ученикам прививалась мораль Востока, особенно величие долга верноподданства императору, уважение и покорность по отношению к родителям и вышестоящим лицам, а также другие ценности, принятые в обществе Страны восходящего солнца [5, с. 1, 325]. Таким образом, государственная мораль преподносилась народам Маньчжу-Ди-Го как основа для формирования их идентичности в соответствии с геополитическими претензиями Японии. Особое место в реформе занимали «закалка народного духа» и «выработка крепости в народе» через занятия физическим трудом, воспитание трудолюбия, физическое воспитание и физическое развитие, а также знание практически полезных предметов. К последним относились сведения о торговле и промышленности, литература и естествоведение, «полезные для здорового мышления народа» и в его повседневной жизни [5, с. 2, 325; 11, с. 3].

Концептуальный подход, ограничивающий содержание образования прикладными знаниями, был заимствован в качестве образца для японских школ нового типа из американской образовательной системы ещё в начале эпохи Мэйдзи. Из учебников японские дети получали сведения о культивировании риса, изготовлении шёлка, производственном использовании рисовой соломы и бамбука, а также представление о современных технологиях [3, с. 275]. Японские школы отличались и приоритетным вниманием к физическому развитию детей, которое включало элементы военной подготовки, чтобы уже со школьной скамьи получить наполовину готовых солдат.

Заимствованные образцы японской школьной системы существенным образом меняли содержательную сторону образования в Маньчжу-Ди-Го. Учитывая развёртывание в Маньчжурии широкомасштабного строительства военно-промышленной базы для Квантунской армии, новая модель обучения обеспечивала ускоренную подготовку разного рода квалифицированных специалистов, подходящих для этой цели. Похожая ситуация наблюдалась и в СССР в 1930-е гг., где для обеспечения форсированных темпов индустриального строительства была принята концепция «узкого» специалиста [2, с. 66, 67].

Решить задачу ускоренной подготовки кадров для военно-промышленного комплекса помогла структурная перестройка образовательной системы в Маньчжу-Ди-Го по аналогии с японской, при которой начальный и средний уровни образования не имели преемственной связи друг с другом. Но при этом, в отличие от японской, в новой образовательной структуре Маньчжу-Ди-Го упраздняялась двухступенчатая система начальной и средней школ и сокращались сроки обучения (см. табл. 1).

Кроме того, в Японии указами 1872 и 1880 гг. было введено обязательное всеобщее начальное обучение. За одной партой сидели и дети простолюдинов, и потомки самураев, воспринимавшие одни и те же идеи и ценности. Следовательно, уже на этапе обучения в начальной школе закладывались основы национальной солидарности японцев. Содержание хрестоматий для чтения в начальной школе, разработанное Министерством народного просвещения Японии, было направлено на формирование у подрастающего поколения таких качеств, как «...лояльность Императору, восторженная любовь к родине, глубокое почтение к родителям, изысканная учтивость, аккуратность, любознательность, настойчивость в достижении намеченной цели, скромность в своих потребностях», трудолюбие и физическая закалка [3, с. 275]. Воспитание таких же качеств у подрастающего поколения возлагалось и на школы в Маньчжу-Ди-Го.

Однако там, по данным Министерства Народного Благополучия империи, в начальных школах учились только 23% от всех детей школьного возраста, а 52% не оканчивали начального курса обучения [5, с. 329, 330]. На основании этих фактов государственные чиновники от образования считали введение всеобщего обучения в Маньчжу-Ди-Го преждевременным. Но поскольку выпускники начальной школы, поступившие в неё в возрасте семи лет, ещё не могли полноценно заниматься практическими работами, в новой системе вступительный ценз в народную школу уже не ограничивался этим возрастом и мог быть выше. В народной школе преподавали общие народные знания, арифметику, ремесло, музыку и гимнастику; в народных пансионатах — те же самые предметы, но музыка и гимнастика не являлись обязательными.

Источником пополнения рынка труда кадрами низшей квалификации была и повышенная народная школа, где преподавали общие и практические знания, математику, музыку, гимнастику и рисование. Средние общеобразовательные школы подверглись критике и перестройке вследствие

Таблица 1

**Сравнительная характеристика общеобразовательных школ в Маньчжу-Ди-Го
(по реформе 1937 г.) и в Японии**

Школьная система в Японии		Школьная система в Маньчжу-Ди-Го	
<i>Начальные учебные заведения</i>			
низшая (обыкновенная) начальная школа	6 лет	народная школа	4 года
высшая начальная школа	2—3 года	народная ускоренная школа (народный пансион) и частные ускоренные курсы (частный народный пансион)*	1—3 года
дополнительные классы (курсы)** для выпускников начальных школ	до 2 лет		
		повышенная народная школа***	1—2 года
<i>Средние учебные заведения</i>			
middleschools (средние школы для мальчиков)	5 лет	высшая народная мужская школа	4 года
girl'shighschools (средние женские школы)	5 лет	высшая народная женская школа	4 года

Источник: Законоположения и правила о школах Министерства Народного Благополучия, 5 года Кан-Дэ. Харбин, 1938. С. 5, 329—334; Энгельфельд В.В. Народное образование в Японии // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1927. № 1. С. 3—4, 10.

* Данные учебные заведения функционировали параллельно с народной школой, но отличались от неё более элементарным уровнем образования и открывались там, где по каким-либо причинам возникали препятствия для её открытия.

** Их заканчивали выпускники начальной школы, желавшие поступить в средние учебные заведения.

*** Представляла собой среднюю ступень между народной и высшей народной школой.

того, что предметы по торговле и промышленности преподавались лишь в немногих из них и по объёму учебного времени уступали литературе и естествоведению.

В японских средних школах естествоведение преподавали с первого по четвёртый класс два часа в неделю; дисциплины «литература» как таковой не существовало. В средних мужских школах преподавали японский язык и китайских классиков (пять часов в неделю в первом классе, шесть — во втором и третьем классах, восемь — в четвёртом и пятом) [11, с. 5]; в женских средних школах китайских классиков не изучали.

Ситуация, сложившаяся в среднем образовании Маньчжу-Ди-Го, оценивалась как неактуальная для переживаемой эпохи и положения в стране, где должны быть подготовлены кадры для индустриализации. В связи с этим акцент в народной высшей мужской школе переносился на приобретение прикладных знаний по торговле и промышленности, а также полезных «...для практической жизни предметов по литературе

и естествоведению». В народной высшей женской школе обучали ведению домашнего хозяйства, шитью, рукоделию, воспитанию детей, домашней гигиене и детской психологии.

Таким образом, мужское среднее образование в Маньчжу-Ди-Го было ориентировано на подготовку «...основных кадров народа... во избежание выпуска из школы бесхарактерной, неустойчивой молодёжи, пополняющей безработный элемент» [5, с. 334], а женское — на выпуск будущих хороших жён, умных матерей и воспитательниц, обладающих практическими знаниями, необходимыми для счастливой семейной жизни.

В русле деклараций о морали и духовном единстве между Японией и Маньчжу-Ди-Го японский язык становился государственным и приоритетным для преподавания, причём в высшей школе предусматривали обучение только на нём. Маньчжурский и русский языки разрешались в ограниченных объёмах и в исключительных случаях. Допускалось их изучение в школе, но при этом поощрялась тенденция к сокращению часов и увеличению за счёт этого часов изучения японского языка. Преподавание на китайском в школах Маньчжу-Ди-Го школьной реформой 1937 г. не предусматривалось.

Новая система обучения в империи строилась на принципе отделения школы от церкви. Во всех образовательных учреждениях — правительственных, общественных и частных — запрещалось преподавание религиозных дисциплин. В этом отношении новая школьная система в Маньчжу-Ди-Го имела сходство с советской и японской системами образования. Место религии, как и в японских школах, заняло преподавание гражданской морали, что позволяет нам говорить об идеологизации государством данных образовательных систем (см. табл. 2).

Особые положения относительно школ русских эмигрантов вводились приказом Министерства Народного Благополучия за № 68 от 5 ноября 1936 г. (4 года Кан-Дэ). Реформа русской школы преследовала цели воспитания верноподданнического духа у русских эмигрантов, адаптации их к реалиям жизни в Маньчжу-Ди-Го для последующего использования интеллектуального и физического потенциала молодого поколения русской диаспоры в интересах японских оккупационных властей: «...руководя их реальной жизнью, устранить старые дурные черты характера, уяснить дух согласия и мира всех народностей и вместе с тем способствовать развитию лучших национальных качеств и тем самым выполнить долг одного из элементов, составляющих Маньчжу-Ди-Го» [5, с. 317]. Школьная система и учебные программы согласовывались с общей государственной программой.

Наследие советско-китайского совместного управления КВЖД в средней и высшей школах — совместное обучение учащихся обоего пола — принципиально не признавалось и только в исключительных случаях могло быть допущено с разрешения соответствующих властей.

Принципы образования и воспитания русской молодёжи коррелировали с аналогичными принципами в Маньчжу-Ди-Го. Русские учащиеся

Таблица 2

Сравнительная характеристика преподавания в средней общеобразовательной школе в Японии и в Маньчжу-Ди-Го (по реформе 1937 г.)

Мужская средняя школа в Японии	Мужская средняя школа в Маньчжу-Ди-Го	Женская средняя школа в Японии	Женская средняя школа в Маньчжу-Ди-Го
Наименование предметов			
гражданская мораль	гражданская мораль	гражданская мораль	гражданская мораль
японский язык и китайские классики	государственный язык	японский язык (китайские классики не предусмотрены)	государственный язык
иностранные языки (французский, немецкий или английский)	иностранные языки (не были обязательными)	иностранные языки (французский или английский)	
гимнастика	гимнастика	гимнастика	гимнастика
математика	математика	математика	математика
физика и химия			
история	история	история	история
география	география	география	география
естествоведение	естественные науки	естествоведение (природоведение)	естественные науки
экономика и право	практические знания		практические знания
		домоводство	домоводство
индустрия		рукоделие и шитьё	рукоделие
рисование	рисование	рисование	рисование
пение	музыка	музыка	музыка

Источник: Законоположения и правила о школах Министерства Народного Благополучия, 5 года Кан-Дэ. Харбин, 1938. С. 11, 12; Энгельфельд В.В. Народное образование в Японии // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1927. № 1. С. 5.

воспитывались в представлении о неразрывной связи их новой родины Маньчжу-Ди-Го с Японией (а не с Россией). Прививались моральные ценности Востока, перекликавшиеся с положениями кодекса Буси-до.

Ученики народной школы изучали гражданскую мораль все четыре года. В первом классе они получали представление о значении религии и семьи в жизни общества, о нравственном долге человека, усваивая такие понятия, как верность монарху, сыновнее послушание родителям и почтение к вышестоящим лицам, искренность, скромность, долг, честность, покорность и т.д.; во втором — расширяли политический кругозор за счёт знакомства с историей и современным им положением русской эмиграции, молодёжными движениями (скаутов, пионеров, комсомольцев, фашистскими молодёжными организациями в Западной Европе и пр.). Ученики третьего класса изучали основы государственне-

дения, главным образом — государственное устройство Японии и Маньчжу-Ди-Го; четвёртого — современные идеологии (коммунизм, фашизм, принцип Ван-Дао и его неразрывность с Японией) [8, с. 171].

В учебные планы русских школ ввели востоковедение и изучение истории, географии, литературы и торговли стран Восточной Азии. Из иностранных языков, помимо английского, стали изучать японский, маньчжурский и китайский. Сфера использования родного русского языка в образовательном пространстве Маньчжу-Ди-Го сокращалась. Если в начальных школах «принципиально» допускалось преподавание на русском, то в средних и высших учебных заведениях поощрялся переход на государственный (японский) язык. По сути, образовательная реформа 1937 г. способствовала тотальной японизации русских школ.

Из пяти функционировавших в Маньчжурии русских вузов в 1937 г. остался один, находившийся в ведении Харбинской епархии. Взамен закрытых японская администрация открыла для русской молодёжи Северо-Маньчжурский университет, который готовил специалистов для военно-промышленного комплекса, коммерции и государственной службы. Обучение происходило по программам японских вузов на русском и японском языках [8, с. 162].

Унификация образовательной структуры, т.е. замена традиционных русских учебных заведений (училища, гимназии и пр.) на сеть правительственных школ, привела к сокращению количества русских школ и исчезновению старинных учебных заведений Харбина, таких как гимназии М.А. Оксаковской, А.Я. Дризуля, им. А.С. Пушкина, коммерческого училища и др. По данным БРЭМ, в середине 1930-х гг. в этих школах училось около 50% детей эмигрантов, а в правительственных школах для русских детей в конце 1930-х гг. — 30%. Наблюдались утрата навыков чтения и письма на русском языке и рост процента неграмотных среди молодёжи в возрасте 15—17 лет и старше [8, с. 146, 175]. Таким образом, реформа школы 1937 г. снизила образовательный потенциал русской диаспоры и мобильность русского образования.

В период совместного советско-китайского управления КВЖД и в годы управления дорогой китайской стороной (1929—1931 гг.) преподавание Закона Божия ограничивалось городскими, поселковыми школами и другими учебными заведениями, которые содержали частные лица и общественные организации (т.е. собственно эмигрантскими школами). В Харбине, например, было 25 школ, где в сетку учебных часов включали два часа в неделю на изучение данного предмета [9, с. 37]. Закон Божий, как и русский язык, являлся основой национально-культурной самоидентификации русских эмигрантов. Поэтому педагогические советы, родительские комитеты и эмигрантская общественность в целом считали, что «...русская национальная школа без Закона Божия не мыслится; нет Закона Божия, нет и русской школы; нет Закона Божия, нет и христианской морали, ибо она не может быть безрелигиозной» [9, с. 37], и просили оставить данный предмет как обязательный для преподавания в русских

школах. В 1932—1935 гг. число начальных и средних русских учебных заведений, в которых преподавался Закон Божий, благодаря активности Харбинской епархии возросло до 33, а во втором классе был введён третий урок по церковно-славянскому языку [9, с. 37].

Самостоятельность русской диаспоры в данном вопросе противоречила принципам образования и воспитания, диктуемым японскими оккупационными властями. В начале 1936 г. один из руководителей Отдела народного просвещения в Управлении Великого Харбина — японский чиновник Цусима — подверг критике преподавание Закона Божия в городских школах за излишнюю теоретизированность и оторванность от практики воспитания. По его мнению, в изучении данного предмета большая часть учебного времени уделялась Ветхому, а не Новому Завету, в то время как Ветхий Завет трактует об иудействе, а не о христианстве и христианской морали [9, с. 41]. В соответствии с положениями реформы 1937 г., преподавание Закона Божия в русских школах в Маньчжу-Ди-Го допускалось лишь для желающих его изучать вне учебного плана.

С началом военных действий Японии на Тихом океане Министерство Народного Благополучия несколько скорректировало реформу в сторону усиления национального воспитания русской молодёжи. Закону Божьему, которым так дорожила русская эмиграция, вернули статус обязательного предмета школьной программы и ввели его преподавание в сетку школьных часов. Японцы согласились с его значением для религиозно-нравственного воспитания подрастающего поколения русских. Материал школьных программ расширили за счёт изучения произведений русских классиков (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др.), обратили внимание на качество преподавания русского языка в правительственных школах и патриотическое воспитание на примерах из русской истории. Поворот в образовательной политике в сторону поощрения русского традиционализма (по сути, заигрывание японских оккупационных властей с национальной гордостью великороссов) диктовался необходимостью сохранения лояльности к японцам со стороны русской диаспоры.

Согласно свидетельству министра народного просвещения в Маньчжу-Ди-Го Чжан Чентоу, японская администрация тщательно готовилась к школьной реформе 1937 г. На протяжении ряда лет министерство анализировало различные варианты заграничных школьных систем, пока не составило «совершенный проект», который затем рассматривали и согласовывали особая комиссия из специалистов заинтересованных министерств, Государственная палата и Тайный Совет. Однако сравнительный анализ структуры и содержания образования в Маньчжу-Ди-Го показывает, что в конечном итоге «совершенный проект» новой школьной системы в марионеточной империи был построен по аналогии с японской школой.

Огосударствление системы образования в Маньчжу-Ди-Го, её идеологизация и тотальная японизация, призванные ускорить процесс формирования новой самоидентификации народов создаваемой Японией империи,

приобретали особую актуальность с началом развёртывания японцами широкомасштабных военных действий против республиканского Китая. Не случайно годы начала реформы и начала войны с Китаем совпадают.

Возврат к возрождению национального воспитания русской молодёжи показал, что задачу её идентичности в Маньчжу-Ди-Го решить не удалось. В частности, и потому, что японский язык не стал основой межнационального общения, а предложенный японской администрацией комплекс ценностей не был воспринят русской диаспорой, предпочитавшей ориентироваться на традиционные ценности своего народа. В массе своей русские эмигранты отождествляли себя с утраченной ими Россией, а не с государством Маньчжу-Ди-Го.

В целом такие меры, как возвращение в русские школы преподавания Закона Божия, изучение литературно-художественного наследия русского народа и его истории, корректировавшие реформу школы 1937 г., мы рассматриваем как политический компромисс между японской оккупационной властью и диаспорой русских эмигрантов.

Создание Маньчжу-Ди-Го, по сути, — часть японского имперского проекта, и японцы были заинтересованы в использовании русской диаспоры при решении внутренних и внешнеполитических задач Японии. В силу своего исторического развития и образовательной подготовки русские являлись в Маньчжу-Ди-Го одним из наиболее подготовленных к работе на индустриальном производстве народов, и японская администрация рассматривала их, с одной стороны, как ресурс для обеспечения форсированных темпов индустриализации, а с другой — как союзников в будущей войне с СССР.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX века). Мн.: БГУ, 1999. 316 с.
2. Белоглазова С.Б. Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20—30-х гг. XX в.: очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2001. 194 с.
3. Васкевич П. Японская школа // Вестник Азии. Харбин, 1912. № 11/12. С. 273—276.
4. Дмитриева Е.В. К проблеме введения школьной реформы 1937 г. в эмигрантские школы Харбина // Владивосток — точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: междунар. науч. конф., Владивосток, 6—8 октября 2014 г.: программа и тезисы. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2014. С. 52—53.
5. Законоположения и правила о школах Министерства Народного Благополучия, 5 года Кан-Дэ. Харбин, 1938. 376 с.
6. Косинова О.А. Традиции российского педагогического зарубежья на территории Китая в конце XIX — первой половине XX вв.: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009. 43 с.
7. Мелихов Г.В. Международная научная конференция «Годы, Люди, Судьбы. История российской эмиграции в Китае: К 100-летию Харбина и КВЖД» // Проблемы Дальнего Востока. М., 1998. № 4. С. 124—125.

8. Потапова И.В. Русская система образования в Маньчжурии. 1898—1945 гг: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006. 251 с.
9. Сумароков Е. XX-летие Харбинской епархии. Харбин, 1942. 133 с.
10. Чэ Чуньинь. Научно-образовательная и духовно-культурная деятельность российской диаспоры в Китае (1920—1940-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2014. 187 с.
11. Энгельфельд В.В. Народное образование в Японии // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1927. № 1. С. 1—12.

REFERENCES

1. Ablova N.E. *Istoriya KVZhD i rossiyskoy emigratsii v Kitae (pervaya polovina XX veka)* [History of Chinese Eastern Railway and Russian emigration in China (first half of the 20th century)]. Minsk, BGU Publ., 1999, 316 p. (In Russ.)
2. Beloglazova S.B. *Kultura Dalnego Vostoka Rossii v usloviyah obschestvennykh transformatsiy 20—30-h gg. XX v.: ocherki istorii* [Culture of the Russian Far East in the context of social transformations of the 1920's-1930's: essays on history]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2001, 194 p. (In Russ.)
3. Vaskevich P. Yaponskaya shkola [Japanese school]. *Vestnik Azii*, Harbin, 1912, no. 11/12, pp. 273—276. (In Russ.)
4. Dmitrieva E.V. K problem vvedeniya shkolnoy reformy 1937 g. v emigrantskie shkoly Harbina [On the problem of introducing the school reform of 1937 in emigrants' schools of Harbin]. *Vladivostok — tochka vozvrashcheniya: proshloe i nastoyashee russkoy emigratsii: Mezhdunar. nauch. konf., Vladivostok, 6—8 oktyabrya 2014 g.: programma i tezisy* [Vladivostok, a point of return: past and present of Russian emigration: international research conference, Vladivostok, October 6—8, 2014: program and abstracts]. Vladivostok, DVFU Publ., 2014, pp. 52—53. (In Russ.)
5. *Zakonopolozheniya i pravila o shkolah Ministerstva Narodnogo Blagopoluchija, 5 goda Kan-Dje* [Legal provisions and rules on schools of the Ministry of People's Welfare, 5th Kan-De year]. Harbin, 1938, 376 p. (In Russ.)
6. Kosinova O.A. *Traditsii rossiyskogo pedagogicheskogo zarubezhya na territorii Kitaya v kontse XIX — pervoy polovine XX vekov*. Diss. dokt. ped. nauk [Traditions of Russian foreign pedagogics in China in the later 19th century — first half of the 20th century. Cand. ped. sci. diss.]. Moscow, 2009, 43 p. (In Russ.)
7. Melihov G.V. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Godyi, Lyudi, Sudbyi. Istoriya rossiyskoye migratsii v Kitae: K 100-letiyu Harbina i KVZhD» [International research conference Years, people, fortunes: history of Russian emigration in China: to the 100th anniversary of Harbin and Chinese Eastern Railway]. *Problemy Dalnego Vostoka*, Moscow, 1998, no. 4, pp. 124—125. (In Russ.)
8. Potapova I.V. *Russkaya sistema obrazovaniya v Manchzhurii. 1898—1945 gody*. Dis. kand. ist. nauk [Russian educational system in Manchuria. 1898—1945. Cand. hist. sci. diss.]. Khabarovsk, 2006, 251 p. (In Russ.)
9. Сумароков Е. XX-летие Харбинской епархии [The 20th anniversary of Harbin archdiocese]. Харбин, 1942. 133 с. (In Russ.)
10. Чэ Чунинь. *Nauchno-obrazovatel'naya i dukhovno-kulturnaya deyatel'nost rossiyskoy diaspory v Kitaye (1920—1940-e gody)*. Dis. kand. ist. nauk [Research, education, spiritual and cultural activity of Russian diaspora in China Чэ Чуньинь (1920's—1940's). Cand. hist. sci. diss.]. Vladivostok, 2014, 187 p. (In Russ.)
11. Engelfeld V.V. Народное образование в Японии [People's education in Japan]. *Vestnik Manchzhurii*, Harbin, 1927, no. 1, pp. 1—12. (In Russ.)